

6. Маслеева Д.А. Марина Цветаева в художественном мире Б. Ахмадулиной // XIV Междунар. научн. конф. студентов-филологов. Тезисы. Ч. 5. 4-8 апреля 2011 г. / Отв. ред. Фищева О.В. – СПб: Изд-во СПб. – С. 11-12.

7. Михайлов М.С. Лирическая книга Беллы Ахмадулиной: ранняя книга «Уроки музыки» (1969) // Мир науки, культуры, образования. – Выпуск 2 (9). Апрель-июнь 2008. – Горно-Алтайск: АлтГПА. – С. 69-71.

8. Папоркова Н.А. Образ М.Ю. Лермонтова в поэзии Б.А. Ахмадулиной // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль: ЯГПУ. – 2011. – № 3. – Том 1 (Гуманитарные науки). – С. 230-233.

9. Попова А.Р. «Подслушать сердца первый звук...» (существительное сердце в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин») // Русская словесность. – М.: Школьная пресса, 2008а. – № 4. – С. 68-71.

10. Попова А.Р. Функционирование соматизма *голова* в цикле рассказов «Записки охотника» И.С. Тургенева // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 28 октября 2008 года, II. – Уфа: БГПУ, 2008б. – С. 99-105.

11. Сеницына Н.В. Роль соматической лексики в формировании картины мира // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота. – 2011. – № 6 (49). – С.233-235.

12. Сулейманова А.К. Лексика специальная, профессиональная и терминологическая // Профессор Джалиль Гиниятович Киекбаев и его вклад в развитие урало-алтайской филологии: материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа: Диалог, 2011. – С. 230-235.

13. Тихомирова Е.А. Функции конструкций с инфинитивом в русском литературном языке и лирике Беллы Ахмадулиной // Язык и социум: материалы VIII Междунар. науч. конф., г. Минск, 5-6 дек. 2008 г. В 2 ч. Ч 1 / Под общ. ред. Л.Н. Чумак. – Минск: РИВШ, 2009. – С. 192-195.

14. Шаповалова И.В. Особенности употребления диалектизмов в структуре художественного текста (на материале произведения Б. Ахмадулиной «Нечаяние. Дневник») // Лінгвістика. - № 3 (24). – Ч. 1. – 2011. – С. 228-233.

15. Шестакова Л.Л. Слово-образ *душа* в поэзии Евгения Баратынского // Русский язык в школе. Москва: Наш язык, 1999. - № 4. – С. 52-59.

А.В. Полонский

МАССМЕДИЙНЫЕ УРОКИ РУССКОГО СЛОВА

Дискуссия о русском языке в современных масс-медиа, инициированная достаточно давно, в последнее лишь набирает силу и обретает форму напряженного разговора о духовности и нравственности российского общества. Судить о массмедийном языке необходимо с пониманием всей сложности и противоречивости этого феномена, отличающегося «стилистическим динамизмом» [4, 123], сочетанием традиционного и новаторского, стремлением как к максимальной экспрессивности и выразительности, так и к максимальной

доступности, что в совокупности обеспечивает востребованный обществом уровень отношений между субъектами публичного диалога, автором и адресатом, журналистом и получателем информации.

По-разному, по всей видимости, можно оценивать те или иные процессы, происходящие в родном языке, однако едва ли плодотворно вину за все негативное возлагать только на масс-медиа, а источник всего позитивного видеть всегда вне их, что, к сожалению, наблюдается в текущей практике осмысления учеными и общественностью роли масс-медиа в современной культуре.

Язык масс-медиа сегодня принял на себя важнейшую культурологическую функцию эталона, но эталона, замечу, который формируется не только творчеством журналистов, но и прежде всего нашей повседневной практикой говорения, отражающей особенности современной культуры, ее коммуникативного идеала и общественного вкуса. Как замечает М.Л. Бергер, генеральный директор холдинга «Объединенные медиа», «к сожалению, чистота и ясность русского языка, о которых мы так беспокоимся и которые все реже встречаются, перестают быть важным коммерческим, аудиторным фактором» [18]. Масс-медиа – это «технологическое расширение» [8] нашей жизни, следовательно, своими поступками, своими словами мы формируем характер того публичного диалога, который репрезентируют масс-медиа.

Целесообразно ли в таком случае бесконечно призывать к ответу «личность журналиста», обвинять ее в «непрофессионализме», разрушающем нормы русской литературной речи, возлагать на нее – подчеркну! – всю ответственность за то, что создается всем обществом и чему само общество пока еще не способно однозначно сказать «нет»? Более плодотворным представляется выстраивание политики социальных оценок на основе осознания своего «события» с массмедийным словом, своей сопричастности ему, усмотрение истины в том, что наблюдаемые в языке масс-медиа процессы производны от образа наших мыслей и стиля нашей жизни, а также от их осознания нами. «Слово отражает, – как верно заметил Б.И. Осипов, – не обстоятельства бытия как таковые, а осмысление и изменение бытия людьми» [10].

Своеобразие современного массмедийного диалога исследователями обычно определяется посредством понятия «персонализация» как проявления в публичном диалоге личности, открыто заявляющей свое мировоззрение, свой стиль, свои духовные и эстетические идеалы. По определению Л.Е. Кройчика, «автор перестает быть обезличенным ретранслятором передаваемой информации – он все явственнее становится ее интерпретатором. Точка зрения конкретного лица интересна сегодня сама по себе» [6].

Растабуирование личностного начала качественно изменило культуру публичного диалога, изменило его язык, в котором особую значимость приобрело индивидуальное «я», а не безличное «мы». Эта замена сделала публичный диалог не только более раскованным [14], но и более контрастным, выразительным, позволяющим личности открыто предъявить себя, свои идеалы, свои культурные ценности, которые, как известно, формируются не только на основе освоения традиции, но и на ее изломе.

Персонализация публичного диалога продемонстрировала то, что личность никогда не укладывается в жесткие идеологические каноны. Более того, она сама становится обоснованием канона, обоснованием жанра (вспомним, к примеру, обсуждаемый сегодня в масс-медиа «жанр» «Дмитрий Быков») и языковой нормы. Как заметил в одном из своих выступлений (ноябрь, 2009 г.) заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, доктор филологических наук, профессор Л.П. Крысин, «ориентиры в языке создают как словари, так и личности».

Свободная личность, не отягощенная сегодня догматическим сознанием, сбросившая с себя идеологические оковы, заявила о себе выразительно и эмоционально. Духовное раскрепощение личности, «обрученное» с эстетизацией поступка, создало уникальные условия для работы над словом, к которому вернулась забытая способность внятно и эмоционально представлять как самого автора, так и фрагмент осваиваемой мыслью действительности. Как справедливо замечает Г.М. Шипицына, «язык современной массмедийной коммуникации... стал своеобразным питомником для выработки и апробации новых языковых средств, как информативных, так и экспрессивных» [17, 131].

Намеренный уход от поэтики стандарта, языковая игра [11], использование различных тропов и фигур речи, афористики и прецедентных текстов, неожиданных сочетаний слов (*архитектура власти, паралич власти, радуга вкуса, прививка от инфляции, нефтяная игла, лекарство от глобализма, оздоровление рынка, территория модерна, бюрократический футбол, горячие точки, формат тепла, губители карманов, революция успеха*) привели к увеличению номинативной и выразительной силы слова, к расширению его стилистического регистра, к углублению его семантической структуры, к «обрастанию лексемы все новыми и новыми смыслами» [17, 131].

«Стилистическое диссидентство», как удачно определила происходящие в языке масс-медиа процессы Н.И. Ажгихина, которое обуславливает решительный отказ от диктата нормативной поэтики, во многом оказывает благотворное влияние и на характер публичного диалога, поскольку способствует обновлению его языка и стиля, способствует выразительности и точности его слова, а также обогащению его жанровых форм, в которых реализует себя личность.

Важно обратить внимание и на еще один аспект позитивной роли языка масс-медиа В своем докладе на I Конгрессе РОПРЯЛ (2008 г.) И.Г. Милославский отметил, что русская языковая картина мира «дырчатая», в ней зачастую отсутствуют необходимые слова для номинации актуальных общественных и технологических процессов. «Люди, говорящие на русском языке, весьма часто сталкиваются с такими ситуациями, для которых они не находят наименования... Нам явно не хватает уже имеющихся в русском языке слов с устоявшимися значениями» [9]. Массмедийный язык решительно берет на себя и эту функцию – функцию поставщика (а зачастую и разработчика) новых слов и новых фразем: *флэшка, онлайн-торговля, экотур, наезд, отгуглиться* «воспользоваться поисковой системой google», *отцифровка, тачпэд, протестное голосование, мэрский футбол*. Вводя их в регулярно воспроизводимый при помощи масс-медиа публичный диалог и закрепляя, таким образом, многократным повторением, язык

масс-медиа ликвидирует «лексические зияния», «латает дыры» на русской языковой картине мира.

Таким образом, язык современных СМИ поставляет востребованные обществом номинации, усиливает прагматический потенциал слова, его выразительность и обогащает его семантическую структуру, чем обеспечивает развитие языка и его качественный рост.

Это не может не оцениваться положительно.

Однако необходимо видеть и другие происходящие в языке масс-медиа процессы, в основе которых лежит пафос, скорее, «вседозволенности» [2], сопряженный с неконтролируемой стихией рынка и диктатом покупателя. Личность жестко заявляет свое «я». Симптоматичны слова Ирины Муромцевой, телеведущей канала «Россия» (15 октября 2009 г.): чтобы быть сегодня успешным «на все 100», надо «уметь преподнести свою духовность». Это стремление «преподнести свою духовность на все 100» приводит к настоящему произволу эго, которое зачастую озабочено только восхождением на подиум, демонстрацией своих символов, своих опознавательных знаков.

Следовательно, сегодня необходимо говорить не только о персонализации публичного диалога, но и о его эгоцентричности, поскольку личность, стремясь к максимальной оригинальности мысли и стиля, стремясь «щегольнуть мудреным словцом» [1], предъявляя себя обществу с излишней артикуляцией, стремится завладеть всем коммуникативным пространством и вытеснить из него другого.

Личность заявляет себя в масс-медиа бескомпромиссно, не сомневаясь в собственных суждениях и оценках, поэтому из современного массмедийного диалога практически уходят слова «кажется», «может быть», «наверное», «возможно», в которых обнаруживается поиск «встречного сознания», поиск диалога.

Безапелляционность «я» проявляется и в провокационных оценках, в подчеркнутых интонациях иронии, что является не приглашением к серьезному социальному диалогу, в процессе которого вырабатывается формула социального блага, а вызовом к барьеру, потенциальным лишь герметизацией или разрушением. (Так, например, в программе «Непутевые записки» ее ведущий Дмитрий Крылов некоторых «новых русских» путешественников за границей прямо назвал «хрюноподобными существами». Михаил Леонтьев, человек со своим «особым мнением» и словом, также с присущей ему прямоотой заявил своему собеседнику: *«Это не та проблема, которую имеет смысл обсуждать и тратить на это время. Проблема, которую надо обсуждать, это какая скотина все это придумала».*)

После Всероссийского конкурса «Как наше слово отзовется» (2009 г.) А.С. Токарев, руководитель Отдела специальных проектов Международного пресс-клуба, заметил, что недостатками современных масс-медиа, отмеченными судьями, является не только «безлика, казенная, полная штампов речь», «почти графоманская избыточность метафор», «активное влияние иноязычных образцов... журналистики», но и «агрессия в отношении аудитории», «подавление... рекламным духом не только информационного, но и всего вещания», «отказ от диалога». «Понятно, – пишет он, – что пресса наша,

исполнявшая в первое перестроечное десятилетие обязанности то ли рупора, то ли просто института гражданского общества, с определенных пор лишилась сразу и общественного доверия, и естественной возможности, и минимального ресурса для продолжения относительно свободной жизнедеятельности... Она по-человечески говорить с нами почти разучилась, мы слушать ее серьезно почти отказались» [16].

Оценка – явление, безусловно, не инородное для диалога, репрезентированного масс-медиа, поскольку его субъект призван самим обществом предъявлять социально-оценочный взгляд на те или иные факты, однако все чаще эта оценка выставляется не на основе глубокой социальной рефлексии, логически выверенного умозаключения, а на основе эмоции и неприятия того, что осуждено изначально, а потому нетерпимо. Это находит свое отражение и в употреблении языка. Говоря словами В. Ерофеева, «*пословицы кончились – началось хамство*» [3].

Обратим внимание также на тот факт, что оценка и стилистика снижения репрезентируется не только лексически, но «проникает» и в грамматическую семантику. Так, например, значительное число глаголов, как отмечают исследователи, приобретает в качестве нового объектного актанта имя существительное, обозначающее человека: *достать кого-либо* “надоесть”, *заказать кого-либо* “заказать убийство”, *насти кого-либо* “следить”, *замочить кого-либо* “убить” и т.д. Приобретение подобного актанта приводит в движение нетипичный для русского литературного языка механизм – семантический перенос по модели «от нечеловека к человеку» [13], понижающий культурный статус человека.

Известно, что «журналистике как особому виду словесного творчества в ее общении с миром и читателем вообще свойственно некоторое несоблюдение дистанции, заезды на чужую территорию» [15], однако утверждающееся эгоцентричное сознание разрушает полноценный социальный диалог, превращая его в арену жесткого самоутверждения гипертрофированного эго.

Полноценному диалогу, как известно, необходим коммуникативно-ролевой паритет, обеспечивающий равные возможности выражения разных суждений и оценок, как основа для выработки по-настоящему общественного мнения, учитывающего многообразие точек зрения. В условиях же интронизированного эго общественное мнение представляет собой лишь совокупность транслируемых масс-медиа монологов, в которых выдвигаются вперед, как говорил Д.С. Лихачев, «знамена с символами и знаками своей индивидуальности», что связано с «развитием агрессивности в отношении “других”» [7].

Слово, ориентированное только на самого говорящего, теряет присущий ему диалогизм, что приводит к «потере» адресата.

Эгоцентризм становится основой интолерантности как неуважительно-агрессивного отношения к другому, его неприятия в качестве альтернативно истинного, как отказ, воспользуюсь здесь словами Е.П. Прохорова, «впустить в свой мир “другого” именно как другого, во всей его “инаковости” и “особости”, а не какой-то маргинальности (на фоне и в рамках оценивающей культуры)» [12],

поскольку другой в этих условиях не воспринимается как равный, как личность, обладающая правом на собственное мировидение и мирочувствование.

Современный публичный диалог, репрезентируемый масс-медиа, становится все более эмоциональным, однако чрезмерно усиленная эмоция, как правило, не освещает мысль, а «ослепляет» ее, в результате чего блекнут выразительные контуры мира и человек теряет из виду предмет своей мысли. Качественный публичный диалог становится проблематичным, поскольку разрушаются условия для осмысления самой ситуации, ведь, как говорил замечательный русский философ Василий Розанов, двигаться вперед и видеть мир осмысленно можно только имея «большую тишину в душе».

Повышенная раскованность зачастую сопровождается риском пересечения границы культурного низа и, как следствие, активизацией стилистически сниженной эмоционально-оценочной лексики, инвективы, эпитетов и метафор «на грани фола»: *Унитаз уполномочен заявить* (Российская газета. 15 марта 2005 г.). Отличительной особенностью языка масс-медиа становится дисфемизация как намеренное огрубление и стилистическое снижение: *памет политиков и бюрократов, высокооплачиваемые шуты, быдло, кидалово, сортирная тема*.

Особенную озабоченность вызывает факт активизации даже в самой высокой публичной сфере лексем, имеющих семантический множитель – “уничтожение” и “унижение”, другими словами, отрицающих само бытие человека и извращающих его социальную и культурную сущность: *зачистка* (населенного пункта, вокзала, Петербурга, исполнительных органов, малого бизнеса, истории, памяти, совести, свободы), *опускать* (мужчину, губернатора, преподавателя, правительство, Думу, Петербург, Россию и Украину). Вступая в новые идиоматические выражения, они «инфицируют» не только взаимодействующие с ними слова, но и номинируемые ими культурные концепты: *о это сладкое слово “зачистка”; особенности национальной зачистки; большая зачистка*.

Перевооруживание аристотелевской «культурной пирамиды», в которой верх лучше низа, зачастую приветствуют и автор, и аудитория. «Современная культура в ее авангардных, модернистских, постмодернистских образцах, - пишет известный литературный критик К. Кокшенева, - “бросает перчатку” публике. А публика ее подняла, ничуть не оскорбилась, на вызов ответила нежным поглаживанием этой самой “перчатки” как страшно-бесценного дара страшно-смелого и откровенного художника» [5]. «Культурный низ» постепенно приобретает высокий социальный статус.

Слово, прошедшее уроки современных масс-медиа, зачастую входит в жесткий конфликт со «словарем» как заповедью культуры, как морально-эстетическим предписанием, восходящим к авторитету этнокультурной традиции.

Таким образом, современный массмедийный язык, ключевая задача которого заключается в обслуживании открытого публичного диалога, с одной стороны, отражает культурные ценности общества, его мировоззрение, идеологию, стиль жизни, его нравственные и эстетические предпочтения, с другой же стороны, он сам формирует собственные традиции, прокладывая как путь к высотам культуры, так и путь к ее низам.

Литература

1. Головина Э.Д. «Друг мой Аркадий, не говори красиво...»: О лексических ошибках в современной публичной речи // Русская речь. – 2004. - № 6. – С. 77.
2. Горбаневский М.В. Об ответственности за слово // Русская речь. – 2007. - № 1. – С. 70, 71.
3. Ерофеев В. Бог бабу отнимет, так девку даст // Ерофеев В. Мужчины. – М., 2001. – С. 42.
4. Казак М.Ю. Традиционные и новые подходы к определению языка СМИ // Журналистика и медиаобразование: Сборник трудов III Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 25-27 сентября 2008 г.). – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 123 – 129.
5. Кокшенева К. А. Революция низких смыслов. – М., 2001. – С. 175.
6. Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы теоретической деятельности журналиста. СПб., 2000.
7. Лихачев Д.С. Два типа границ между культурами // Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1999. - С. 103.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека.- М., 2007. – С. 54, 55.
9. Милославский И.Г. От катастрофы через приватизацию к социализму // Русская речь. – 2006. - № 4. – С. 59, 61.
10. Осипов Б.И. Размышления о русском слове // Мир русского слова. – 2002. - № 1. – С. 44.
11. Покровская Е.Г. Языковая игра в газетном тексте // Русская речь . – 2006. - № 6. – С. 58 – 62.
12. Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. - М., 2001. - С. 119.
13. Розина Р.И. Семантические процессы при образовании жаргона // Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / Под общ. рук. Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник. 1999. – С. XXVIII – XXXV.
14. Солганик Г.Я. Язык современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. - 2004. - № 1. - С.4.
15. Суздальцева В.Н. «Дорога к храму...»: Лексика религиозной тематики в российской лингвокультурной модели мира // Журналистика и культура русской речи. - 2006. - № 3. - С. 34.
16. Токарев, А.С. Чемпионы неотзывчивого эфира (После первого Всероссийского конкурса «Как наше слово отзовется») / А.С. Токарев // Неприкосновенный запас. – 2005/ - № 1 (39) <http://magazines.russ.ru/nz/2005/1/>
17. Шипицына Г.М. О позитивном влиянии СМИ на развитие русского литературного языка XXI века // Журналистика и медиаобразование: Сборник трудов III Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 25-27 сентября 2008 г.). – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 129 – 132.
18. Эволюция форматов и жанров информационного и аналитического радиовещания: Материалы круглого стола / Л.Д. Болотова, Л.П. Шестеркина, О.Б. Медведев, Л.Д. Азарх, М.Л. Бергер, И.В. Малов и др. // Журналистики и культура русской речи. – 2010. - № 2. – С. 36 – 55.